

Крапивкина Ольга Александровна

РОЛЬ СУБЪЕКТА В ДИСКУРСЕ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ

В статье анализируется роль субъекта в дискурсе особого мнения судьи, который автор рассматривает как самостоятельный юридический жанр. Цель данной статьи заключается в демонстрации индивидуально-авторского характера жанра, субъект которого свободен в выборе языковых средств конструирования дискурса. Автор утверждает, что институт особого мнения является тем инструментом судебной практики, который позволяет судье, не согласному с выносимым коллегиальным решением, высказать свою позицию по существу дела.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 87-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'1

Филологические науки

В статье анализируется роль субъекта в дискурсе особого мнения судьи, который автор рассматривает как самостоятельный юридический жанр. Цель данной статьи заключается в демонстрации индивидуально-авторского характера жанра, субъект которого свободен в выборе языковых средств конструирования дискурса. Автор утверждает, что институт особого мнения является тем инструментом судебной практики, который позволяет судье, не согласному с выносимым коллегиальным решением, высказать свою позицию по существу дела.

Ключевые слова и фразы: особое мнение судьи; особое мнение согласия; особое мнение несогласия; жанр; субъект; дискурс.

Крапивкина Ольга Александровна, к. филол. н., доцент
Иркутский национальный исследовательский технический университет
koa1504@mail.ru

РОЛЬ СУБЪЕКТА В ДИСКУРСЕ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ[©]

Особое мнение представляет собой публичное выражение судьей, участвующим в судебном разбирательстве, собственной правовой, политической, идеологической позиции. Институт особого мнения является инструментом судебной практики, позволяющим судье, не согласному с коллегиальным решением, высказать свою позицию по существу дела.

В судебной практике сложились две категории особых мнений – особое мнение согласия, когда судья присоединяется к мнению большинства, внося дополнительные соображения в мотивировочную часть решения, и особое мнение несогласия, которое составляется в случае, если судья не разделяет итогового решения большинства. Последнее отличается более высокой степенью экспрессивности, что объясняется «внутренним состоянием несогласия автора, необходимо отражаемом в тексте» [6, с. 39], невозможностью избежать эмоционально насыщенную критику в адрес решения большинства.

Специфика текстов особых мнений, отличающихся индивидуально-авторским подходом, особые цели, стоящие перед их авторами, позволяют говорить о самостоятельности данного жанра в коммуникативном пространстве судебного дискурса, вопреки высказываемой в литературе точке зрения об особом мнении как поджанре судебного решения [Там же].

Одно из принципиальных отличий особого мнения судьи от судебного решения заключается в том, что субъект последнего излагает позицию суда, членом которого он является, в то время как особое мнение является выражением независимой субъективной точки зрения, сознания субъекта, его мировоззрения, ценностных ориентаций. Оно открыто и публично противопоставляется коллегиальному судебному решению, принятому большинством голосов [2]. Отсюда второе существенное отличие: если в судебном решении преобладают рационально-логические компоненты, особое мнение характеризуется проявлением эмоционально-экспрессивных черт. Стандартная манера изложения, свойственная институциональному дискурсу судебного решения, уступает место более свободной, творческой, метафорической форме особого мнения. Субъект действует и «живет» в дискурсе, причастен ко всем его аспектам, поскольку является его творцом, а не «транслятором» позиции суда. Право на особое мнение «позволяет ощущать личную свободу и независимость, ценность собственного решения и ответственность за свой выбор» [Там же].

Институт особых мнений, поддерживая судебскую независимость, то есть «возможность высказать свою позицию так же открыто, как и большинство судей» [5, с. 20], позволяет судье, несмотря на закрепленную за ним институциональную роль, позиционировать себя как суверенную личность, состоящую из подпадающих изменению личностных черт, способностей и атрибутов, как носителя индивидуально-творческой позиции и «передающего сознания» [1], как субъекта свободной воли, ощущающего себя источником своих высказываний, сознательно определяющего свою речевую деятельность. Рассмотрим высказывание из особого мнения:

Конституционный строй, замешанный на крови, людском горе и бедах, как дорога, не ведущая в храм, теряет свое основное предназначение – служить человеку [3].

Приведенное высказывание по делу о конституционности «чеченских» указов Б. Н. Ельцина отличается яркостью и эмоциональностью изложения. С помощью тропа субъект придает ему выразительность, экспрессивность, передает свои переживания по поводу реализации указов Президента, противоречащих конституционным положениям и запустивших, как метафорично заметил В. О. Лучин, «военную машину, которая затем уже набирала обороты по своим законам». Субъект осмысливает данную ситуацию в технических терминах, сравнивая юридический документ со стартовым механизмом, а незаконно развязанные Б. Н. Ельциным военные действия – с военной машиной, набравшей обороты «по своим законам», принося горе тысячам российских граждан. Как показывает пример, судья позиционирует себя как субъекта свободной воли, открыто выражающего свое *Я*, раскрывающегося в высказываниях, наполненных феноменологическими смыслами, личностную ипостась.

Подобную экспрессию можно наблюдать и в приведенном ниже высказывании из особого мнения судьи Конституционного суда В. Г. Ярославцева, в котором он критикует принятое большинством голосов решение, не соответствующее, на его взгляд, конституционным нормам:

Хотелось бы выразить озабоченность тем обстоятельством, что государство, создаваемое на основе «управляемой» демократии и «властной» вертикали, все больше преобразуется в «мегамашину» [4].

Ценности, затрагиваемые противоречащими Конституции, как считает субъект, нормами закона, заставляют его выразить свою независимую точку зрения, а не следовать мнению большинства, вставая на позиции конформизма.

Субъекты особого мнения с разной степенью интенсивности эксплицируют себя в пределах дискурсивного пространства, излагая я-суждения в том тоне (уважительном, высокомерном, агрессивном, нейтральном и т.п.), который наилучшим образом отвечает их внутреннему состоянию. Так, для дискурса уже бывшего судьи Конституционного Суда А. Л. Кононова характерны высокомерная, снисходительная, скептическая, ироничная, а иногда и враждебная по отношению к другим судьям тональность изложения, в то время как высказывания В. О. Лучина отличаются подчеркнутым уважением к суду как к институту власти, отсутствием сомнений в непрофессионализме составляющих его судей.

Комментируя попытки регулировать содержание и объем особых мнений, А. Л. Кононов в статье «*Право на особое мнение*» заметил, что «трудно себе представить, как иначе можно выразить свое несогласие с ним, ведь особое мнение, по сути, всегда критическая оценка» [2]. Стоит, однако, отметить, что этические нормы, которым подчиняются члены судебного сообщества, не допускают прямых выпадов и оскорблений в адрес суда или других его членов.

Субъект особого мнения не только является генератором ярких, оригинальных идей, но и направляет системное взаимодействие языковых единиц разных уровней, составляющих структуру текста. Его намерения, а не установки суда, определяют все в тексте, подчиняют себе всю его структуру. Необходимость отразить в дискурсе свое эмоциональное состояние, продемонстрировать независимость от позиции суда, противопоставить ему себя или, наоборот, продемонстрировать с ним солидарность, единение детерминируют выбор того или иного способа маркирования идентичности – личностной, институциональной, национальной, общечеловеческой и т.д.

Лучше всего потребности в самовыражении говорящего отвечают я-высказывания, которые помогают создать эффект оппозиционирования, противопоставления себя большинству. В нижеследующем примере данный эффект создается за счет контрастного употребления лексических единиц *I - the court*. Местоимение *I* и его вариативные формы помогают судье подчеркнуть индивидуальность, демонстрируют невозможность присоединения к мнению большинства, которое является, на его взгляд, ошибочным:

The Court destroys the proposition, evidently meant to represent my position. I must, however, respond to a few of the more outrageous arguments in today's opinion / Решение суда противоречит моей позиции. Я должен возразить самым ярким аргументам его решения [8].

Иллокутивная цель данного высказывания может быть выражена следующей пропозицией: *Я категорически не согласен с выводами большинства, не учитывающими специфику конституционного законодательства и американских традиций.*

Стремление дифференцировать собственную точку зрения и выводы коллег, дистанцироваться от них наблюдается и в нижеприведенном фрагменте особого мнения. Акцентируя субъективность высказываний, судья употребляет глагол *think* вслед за личным местоимением *I*:

I think that the word liberty in the Fourteenth Amendment is perverted. / Я думаю, что слово «свобода» в 14-й поправке истолковано неверно [7].

Иллокутивную цель О. У. Холмса пропозиционально можно выразить следующим образом: *Я не сомневаюсь в профессионализме коллег, однако не могу согласиться с их решением.* Высказывания, имеющие в главной части личное местоимение *I* и ментальный предикат *think*, выражают когнитивную установку Субъекта, который пытается утвердить свое мнение.

Еще одним механизмом самоидентификации субъекта особого мнения выступают местоимения *мы, we* и их вариативные формы (*нас, нам, наш, us, our* и т.д.). Проведенный анализ текстов особых мнений показал, что местоимения 1-го лица множественного числа в особом мнении употребляются с целью:

1) создания иллюзии единения субъекта с другими членами суда: «*Восстановление смысла и доказательство очевидного выходило бы за рамки нашей задачи*»;

2) манифестации сопричастности субъекта к народу или иному ценностно значимому для него сообществу: «*И мы не знаем, с чем конкретно имеем дело, что это было – мятеж, война ли нечто, выходящее за рамки и этих понятий*»;

3) отождествления субъекта со всем человечеством: «*Пройдет время, и мы поймем всю мудрость фразы: «Свобода печати обеспечивает свободу народа»*».

В заключение можно отметить, что ценность института особого мнения состоит в том, что оно предоставляет судье пространство для выражения независимой точки зрения. Право на особое мнение индивидуализирует фигуру судьи, выделяет его как автономного и ответственного субъекта судебной системы. Субъект особого мнения есть автономная личность, обладающая свободой в конструировании дискурса, который служит для него пространством проявления индивидуализма как в оценке правовой действительности, так и в выборе языковых средств. Соотношение роли судьи как субъекта судебного решения и как субъекта особого мнения можно представить как факт индивидуального самовыражения vs. факта институциональной детерминированности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Кононов А. Л. Право на особое мнение [Электронный ресурс]. URL: <http://refoteka.ru/r-95022.html> (дата обращения: 12.02.2015).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П (Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. О. Лучина) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/prezident---glava-gosudarstva/2/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-31-07-1995--10-p.html> (дата обращения: 14.02.2015).
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 года № 13-П (Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. Г. Ярославцева) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901961721> (дата обращения: 12.02.2015).
5. Ултургашев П. Ю. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые аспекты регулирования // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4. С. 19-22.
6. Шевырдяева Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного Суда США): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 25 с.
7. Lochner v. New York (1905) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enotes.com/topics/lochner-v-new-york-131465> (дата обращения: 13.02.2015).
8. Justice Scalia's Dissent in Lawrence vs. Texas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthodoxytoday.org/articles2/ScaliaLawrenceDissent.php> (дата обращения: 16.02.2015).

ROLE OF SUBJECT IN DISCOURSE OF DISSENTING OPINION

Krapivkina Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Irkutsk State Technical University
koa1504@mail.ru

The article analyzes the role of the subject in the discourse of dissenting opinion, which the author considers as an independent legal genre. The purpose of this article is to demonstrate the author's individual nature of the genre, the subject of which is free to choose the language means of discourse creation. The author argues that the institution of dissenting opinion is an instrument of judicial practice, which allows the judge, who does not agree with the collegial decision, to express his position on the merits.

Key words and phrases: dissenting opinion; dissenting opinion of consent; dissenting opinion of dissent; genre; subject; discourse.

УДК 8; 81

Филологические науки

Целью статьи является рассмотрение стратегии дискредитации в совокупности её тактик и коммуникативных ходов в политическом дискурсе Германии на материале политических дебатов в Бундестаге. В исследовании описаны основные интенции коммуникантов при использовании стратегии дискредитации. Рассматривается функционирование основных тактик стратегии дискредитации. Анализируются высказывания политиков как предмет оценочной лексики и приёмов, таких как интенсификация, метафоричность, сравнительные обороты, которые способствуют достижению большего перлокутивного эффекта.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; стратегия дискредитации; тактики обвинения, оскорбления, издевки; коммуникативные ходы.

Крячкова Александра Павловна

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*
kryachkova.ap@yandex.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОППОНЕНТА
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ НЕМЕЦКОГО БУНДЕСТАГА[©]**

Политический дискурс определяет языковую картину мира, отвечает за языковое сознание общества.

По мнению Т. А. ван Дейка, политический дискурс – это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков. Т. А. ван Дейк ограничивает политический дискурс деятельностью политиков, т.е. профессиональными рамками, тем самым подчёркивая его институциональный характер [5]. А. Н. Баранов определяет политический дискурс как